

За пределами деревянного и каменного частокола, Сяо Хуолун сидел на корточках в высокой траве под растущей луной, его взгляд был прикован к крепостным валам. Пара бронированных Стражей патрулировала стены, освещенные факелом, который они несли. Достаточно легко убить их парой арбалетов, но в темноте прячутся другие солдаты, готовые поднять тревогу, если кто-то из часовых упадет. Маленькая застава не может вместить больше сотни солдат, легкая добыча для его... соратники, за неимением лучшего термина, но зачем работать больше, чем необходимо?

Хихиканье прервало его безмолвное бдение, Хуолонг проигнорировал желание обернуться и посмотреть на обидчиков. Раньше, если бы кто-то из его головорезов проявил такую плохую дисциплину, он бы избил этого идиота, как собаку. Увы, это были бандиты из Мясницкой бухты, слишком высокопоставленные в иерархии, чтобы выслушивать нотации от "простого" Смеющегося Дракона. Высокомерная и беспорядочная кучка, разобщенные, если сравнивать с его «Головешками», но если у вас есть секретный гребаный остров, чтобы скрыть своих непослушных энтузиастов, то вы можете позволить себе снизить свои стандарты набора.

Он почти надеялся, что патруль Всеми свое время и место - так он говорил каждому новичку. Выполняйте свои обязанности, платите взносы, проявляйте способность к самоконтролю, и вы будете вознаграждены. Лучшее вино, отборные куски, первый выбор развлечений, эта система, наряду с его тщательно продуманной репутацией, позволяла ему и его Головешкам скрываться на виду в течение многих лет, чем он очень гордился, заслуживал похвалы.

Жаль, что больше никто так не считает.

Новая пара часовых начала обходить стену, их факел дважды быстро опустился, когда они приблизились к его позиции. Услышав долгожданный сигнал, Хуолонг вздохнул, радуясь, что наконец-то можно начинать. Эти ублюдки из Мясницкой бухты не придают большого значения терпению. Жестом приказав им следовать за собой, он бросился через траву через поле, зная, что тревога не будет поднята. Боковая дверь ждала его, слегка приоткрытая, и он увидел одинокого солдата, стоящего в ожидании над трупом своего злополучного напарника. Указав на свою белую повязку, солдат прошептал:

— Следи за ним, товарищем.

Кивнув в ответ, Хуолонг повернулся и прошептал Малангу, лидеру мясников.

— Никаких пленников, только не сегодня.

Плюнув себе под ноги, бледный бандит усмехнулся.

— Да, да, ты говорил мне достаточно раз. Лучше назови себя кудахчущей клячей. — Маланг шагнул в дверь и спрятался в укрытие, исчезнув из поля зрения Хуолонга, который снова приготовился ждать. Ему было больно это признавать, но Маланг и его ребята были искусны в своем ремесле. Вооруженные длинными кинжалами и маленькими арбалетами, они двигались, как призраки, через частокол, и Хуолонг мог выследить их только по результатам.

Потушили фонарь, открылась дверь, убили солдата, и все это время он едва замечал Маланга и его людей, занятых своим смертоносным ремеслом, невидимые и неслышимые. Это было почти волшебство, то как они работали, выслеживая свои цели перед ударом, убивая одним ударом и ловя тело, прежде чем утащить его, смерть была мгновенной и тихой. Он слышал рассказы о призраках, теневых убийцах Севера, с их черными как смоль кинжалами и нечеловеческой

скрытностью, но видя это в действии, он испытывал благоговейный трепет. Это не было заученным навыком, нет, эти призраки платили цену за свои таланты, каждый из них обладал тем же худым, жилистым телосложением и бледной кожей, покрывая себя от солнца широкими шляпами и длинными рукавами. Их навыки делали их менее реальными, их физическая сила и выносливость уменьшались в обмен на ненормальную скорость, ловкость и скрытность.

Трудно сказать, пойдет ли он на такую сделку, если у него будет выбор. Хотя осторожное преследование привлекало его, он не нашел в жизни ничего, что могло бы сравниться с трепетом открытого боя. Крадучись следом за призраком, Хуолонг повел свой отряд на позиции на стенах, охраняя главные ворота и компактные катапульты. Молча зарядив одну из них, он направил катапульту внутрь, навстречу своим целям - столовой и казармам, где солдаты, не занятые на дежурстве, собирались выпить и повеселиться.

Выйдя из ночного мрака со своей обычной ухмылкой, Маланг подошел к нему и кивнул.

— Работа сделана. — Хуолонг глубоко вздохнул, наслаждаясь моментом, когда другие катапульты загорелись в ответ. Так приятно было смотреть на своих настоящих товарищей, тех, кто был с ним много лет, освещенные их пылающими дарами разрушения, все до единого. Хотя в последнее время все шло не так, как он хотел, он всегда любил останавливаться и ценить маленькие радости жизни.

С упоением нажав на рычаг, он улыбнулся при звуке катапульты, пылающий снаряд пролетел дугой через воздух, с приятным свистом, после которого прогремел грохот. Послышались тревожные крики, за ними последовали новые горящие снаряды, казармы и столовая загорелись от сухого трута и масла, разбросанного Малангом и его призраками. Так красиво, оранжево-красное пламя прыгало в ночное небо, а крики становились все громче.

Хуолонг побрел вниз по лестнице, чтобы насладиться плодами своего труда вблизи. Оказавшись в ловушке и столкнувшись лицом к лицу с неминуемой смертью, некоторые бросились бежать, но были зарублены мечом или топором, их тщетная борьба и нечеловеческие крики наполнили его детским ликованием. Соблазнительный запах горячей плоти пробудил в нем голод, поэтому он оторвал руку от тлеющего трупа и ушел. Ужин и шоу, неплохо для нескольких часов ожидания и нескольких минут работы.

К сожалению, все закончилось слишком быстро, пламя погасло, поглотив все, что могло, не осталось ничего, кроме почерневшего каменного фундамента и обугленных трупов, оставшихся, чтобы отметить его маленький костер. Завершив свою миссию, его соратники собрались вокруг него, их хмурые взгляды и приглушенные протесты испортили ему настроение. Его эйфория постепенно уменьшалась перед лицом долга, Хуолонг вздохнул и спросил:

—Что? Вы укрываете жалобу, а затем озвучиваете ее. Ничего из этого ворчливого дерьма.

Вся делегация Мясницкой бухты смотрела на Маланга, который говорил от их имени, но ни один не осмеливался говорить от своего имени. Хотя им нравилось насмехаться над "праведным вором" за его спиной, они знали, что их сила не шла ни в какое сравнение. Только Маланг осмеливался высказывать свое мнение, но не из-за своей силы, а скорее уверенный в поддержке Йо Линга. Проведя рукой по сальным волосам, бледный призрак заговорил, отводя глаза:

—Не вижу смысла вести себя так незаметно, если ты планировал осветить все это место. Мог

бы приберечь немного для спорта, вот и все. Я думаю, у Маленького Дракона небольшие амбиции, он слишком напуган, чтобы позволить нескольким солдатам сбежать.

Тесаком в руке, Хуолонг ответил с улыбкой.

— Вот почему твой босс назначил меня главным, потому что твой череп слишком толст, чтобы вместить мозг. Если бы мы были предоставлены тебе, мы были бы здесь всю ночь, застряли бы в глуши, пока слава прошла бы мимо нас. Я буду думать за тебя, ты дерьмовый. Все, что вам нужно, это следовать приказам. — Зная, что этого будет недостаточно, чтобы смягчить их недовольство, он остановился и огляделся вокруг, готовый к вызову.

Развернувшись, он взмахнул саблей, лезвие глубоко вонзилось в торс атакующего призрака. Эти ублюдки были подлыми, но не опасными, если их видеть. Оскорбленный призрак забился в конвульсиях в грязи, разинув рот на отсутствующую руку и обнаженные ребра. Отбросив в сторону кинжал, Хуолонг уперся сапогом ему в горло и медленно задушил мертвенно-бледного мятежника. Перекрывая сдавленные крики, он обратился ко всем присутствующим, бывшим мясникам и головорезам.

— Видите ли, вы все, должно быть, думаете, что я стал мягкотелым, получив взбучку от молодого прапорщика, игнорируя все ваши язвительные замечания и завуалированные оскорбления, позволив всем этим солдатам умереть слишком легко. Это моя вина, я принимаю это. Я был слишком терпим, слишком снисходителен из-за моего уважения к Йо Лингу. Вот уже много лет я скитаюсь по стране со своими головешками, не зная, что призрак - один из моих. Я трепещу перед тем, чего он достиг, и позволяю этому влиять на мое мнение о его подчиненных.

Некоторые мясники смотрели ему в глаза, многие улыбались от его комплиментов и еще больше были прикованы к умирающему Призраку. Еще немного надавив, он сломал ему шею и пожал плечами.

— Видишь ли, перед отъездом Йо Линг спросил меня, кого я хочу видеть в своей маленькой компании. Я мог бы попросить Витара и его впечатляющих товарищей с Севера, но не стал. Я мог бы пойти с Дженем и его фанатиками, но не пошел. Я попросил Мясников пополнить мои ряды, потому что вырос на слухах о твоей репутации самого большого и крутого ублюдка в округе. — Сделав эффектную паузу, он оглядел Мясников и встретился взглядом с Малангом. — Я глубоко разочарован.

Отшвырнув в сторону труп, он принялся расхаживать взад-вперед, приводя в действие свои чары.

— Хоть время прятаться и прошло, и многие из вас хотят безудержно праздновать, кто из нас не выдержал? Что значит еще несколько дней? Вы все довольны этой маленькой победой? Сотня солдат, ни одного достойного противника среди них? Я не доволен.

Несколько приглушенных возгласов приветствия, в основном от его головешек, но этого было достаточно.

— Даже сейчас, когда мы стоим здесь, Йо Линг держит ворота Санышу открытыми, чтобы мы могли войти и взять город. Эти заставы - просто закуска, кости, чтобы грызть их, пока мы движемся к большей добыче, жирному, сочному Санышу. Я буду путешествовать этой ночью в поисках нового приключения, нового вызова, новой добычи. Кто из вас присоединится ко мне? — На этот раз Хуолонг был удовлетворен результатами и уверен, что со временем победит Мясников. — Хорошо, докажи, что я ошибаюсь, покажи мне свой характер.

По правде говоря, он предпочел бы путешествовать с Витаром и его северными собратьями, их дикое искусство завораживало, но истинные просветленные ехали на своих гаро со скоростью, слишком напряженной для человека или лошади. Джен был другим мешком, сила жуткого ублюдка продолжала расти с каждым днем, в то время как беспокойного взгляда его жены-демона было достаточно, чтобы отослать его, чтобы вести этих отбросов. Жаль, подумал он, что у него больше общего с Мясниками, но эти скрывающиеся дети ничего не знали о жизни, почти такие же подавленные и встревоженные, как новообращенные фанатики Джена.

Неважно. Хуолонг был доволен своими играми, заставив этих дураков снести заставу, в то время как Йо Линг и Джен занимались львиной долей работы. Взять Саньшу, какая нахрен шутка. Даже с открытыми воротами и основной массой солдат Саньшу за пределами города, двадцати тысяч бандитов, превратившихся в воинов, было недостаточно, чтобы удержать город более чем на несколько часов. Скорее всего, они окажутся в ловушке на площади и будут уничтожены, в то время как подкрепление придет сзади, чтобы уничтожить их всех. Полнейшая глупость, они сделают еще больше работы, разрушая землю, лишая Империю огромных участков плодородной земли, но что знает "простой" Смеющийся Дракон? Его предложение было отвергнуто, Йо Линг самодовольно заявил, что все "в его компетенции", высокомерный ублюдок.

Если десятилетия двойной жизни и научили Хуолонга чему-то, так это выживанию, и он намеревался это сделать. Возьмите еще несколько застав по пути, откажите Мясникам в удовольствии и подогрейте их пыл, пока, наконец, не сдадитесь их требованиям пировать и упиваться кровью и смертью. Затем, когда пыль осядет, они услышат новости о поражении Йо Линга, и, обезумевший, но не испуганный, он отправится на Север, чтобы встретиться с другими истинными просветленными и присоединиться к делу, приведя с собой несколько сотен воинов. Это было немного, но все же лучше, чем ничего.

Два дурака с манией величия, Джен и Йо Линг заслуживали друг друга. Выпивая глоток из фляжки, Хуолонг произнес молчаливый тост. Надеюсь, они умрут вместе с этой сухой-женой.

Сон ускользает от меня.

Эмоционально опустошенный от созерцания сотен невинных, замученных до смерти, а затем физически истощенный от путешествия весь день в головокружительном темпе, вы могли бы подумать, что будет легко погрузиться в кошмарный сон, но совсем наоборот. Пустота внутри меня, кажется, повторяет каждую мою мысль, отдается эхом в моем сознании, когда я лежу в своей взятой напрокат палатке, глядя в брезентовый потолок в беспокойном созерцании, пока проходят часы.

Что будет, если я уйду? Разбудил Мафу и ускользнул, поскакав домой?

Мила и остальные должны были быть уже на пути сюда, но найти их будет нетрудно, убедить их уйти еще легче. Почему я должен рисковать своей жизнью и жизнями своих друзей, защищая богатых паразитов в Саньшу, разжиревших от кровопускания простолюдинов? Пусть горят, мне все равно. Идиоты даже не размещают большинство своих солдат внутри своих стен. Слишком много простолюдинов могут снизить стоимость недвижимости, как это ужасно для них. Их слуг и рабов? Никто не заботится о них, так почему я должен? Простая статистика для людей, находящихся у власти, которую можно игнорировать, сосредоточившись на более

важных вопросах, таких как сохранение лица.

Это отвратительно. Что сделала эта Империя, эта Провинция, эти "дворяне" и "аристократы", чтобы заслужить мою преданность?

Ничего - вот что. Каждый раз, когда я пытаюсь что-то сделать, я получаю дерьмо от их образа жизни. Резкое пробуждение приводит к кошмарному рабству, посещение рынка приводит к покушению на убийство, тихая еда на дороге превращается в кровную вражду, "дружеское" соревнование переходит в убийственную охоту, преследование бандитов приносит мне награду, и теперь борьба жизни и смерти в пустыне каким-то образом сажает семена для нечестивой церемонии смерти и мучений, удобный инструмент, чтобы держать овцу в узде.

Логика ошеломляет меня. "Твой сосед осквернился, так что мы с тебя шкуру заживо сдерем и ложкой глаза выцарапаем". Это все исправит. В следующий раз родись в лучшей жизни, гребанный крестьянин. Ты собираешься стать Оскверненным? Это пытка. Сумасшедший ублюдок из соседнего города, который ведет себя странно? Лучше убить его, ведь это может навлечь Чистку на наши головы. Не Оскверняйся, иначе твоя дерьмовая жизнь закончится на самой дерьмовой ноте.

Почему бы мне не уйти? Что меня здесь держит? Кроме моей семьи, друзей и домашних животных, мне плевать на всех остальных. Ебать Саньшу, ебать Провинцию, ебать Империю, и нахрен этот мир. Они заслуживают осквернения, две стороны одной медали, кровожадные ублюдки все до единого. Ючжэнь может кричать о военном положении сколько угодно, но имеет ли она право призывать меня? Это так лицемерно - ехать, чтобы спасти Саньшу сразу после того, как обрекаешь тысячи людей на бессмысленную, бесчувственную смерть, мириться со зверством, как будто это обычный день в офисе. Черт, может, для нее и так. Часы, документы, чай, приказ о смерти тысяч, перерыв на обед и так далее, все то же старое дерьмо каждый день.

Мое молчаливое несогласие (вынужденное под угрозой смерти) прерывается суетой за пределами лагеря, Мафу просыпается, принохливается и радостно пищит. Откинув полог палатки, я выхожу вслед за Мафу в хлопчатобумажной пижаме, сгорая от любопытства. Лишь слабый лучик лунного света освещает ночь, более чем достаточно, чтобы пройти через лагерь. С тех пор как я очнулся от забытья, мои глаза стали острее, чем когда-либо, из-за расстояния и слабого света. Ничего телескопического или зеленого оттенка, мои глаза просто видят с большей ясностью, чем раньше. Не знаю, то ли из-за оскверненного статуса Бейлдага, то ли из-за какой-то пассивной Ци, хотя мне, наверное, стоит это выяснить, но я был занят. В любом случае, это полезный маленький навык, и пока он работает, я буду его использовать. Как я уже сказал, две стороны одной медали.

Причина волнения Мафу становится ясной, когда мы встречаем мою свиту, разбивающую лагерь неподалеку, вместе с людьми Хуу и Фунга. Проходя мимо знакомых лиц, я нахожу Лин, хорошо одетую, облокотившуюся на квина, зевающую и держащую на руках медвежонка. Улыбаясь впервые за много дней, я подхожу и обнимаю ее сзади, моя маленькая женушка тает в моих руках.

—Привет.

Ее волосы спутались от пота, а кожа покрыта пылью, она все равно загляденье.

— Привет, муженек. Мы ехали весь день, чтобы догнать тебя. Соскучился по мне?

— Больше, чем ты думаешь. Все еще обнимая ее, я нежно поглаживаю детеныша, пока Мафу

вытаскивает второго детеныша из седельных сумок. — Не то чтобы я жалуюсь, но почему ты здесь? Мы едем на битву, ты должна найти безопасное место и ждать, пока я приду за тобой.

— Глупый Рейни, куда мне идти? Не забывай, только что произошла Чистка, и вокруг бегают Оскверненные и демоны. — Ее зубастая улыбка ярко сияла под лунным небом, гордая своим тонко завуалированным оправданием. — Здесь, с тобой, гораздо безопаснее, так ты сможешь защитить меня.

Мое сердце сжимается от сожаления за всех тех людей, которых я не смог спасти. Многие из них умирали таким ужасным образом, пока я стоял и смотрел, слишком боясь последствий, чтобы помочь.

— Твоя вера неуместна, Лин, я не способен никого защитить. — Встретившись взглядом с предводительницей стражи, я говорю: — завтра ты возьмешь Мэй Лин и поедешь на Мост. Я пошлю нескольких Стражей, чтобы сопровождать вас. — Может быть, после того, как я поговорю с Милой, Хуу и Фунгом.

Не обращая внимания на протесты Лин, я оставляю ее с поцелуем в щеку и направляюсь к Миле, болтающую с одним из помощников Ючжэнь. Поприветствовав чрезмерно восторженную Аури и равнодушную Ли Сон, Джимджама и Саранхо, Мила отсылает адъютанта прочь и шагает ко мне, сияя, заложив руки за спину и ожидая моей похвалы.

Бедная девочка, методы Аканай ее уморили.

— Спасибо, Мила, ты проделала невероятную работу.

— Я знаю, - отвечает она, - на самом деле, я должна взять твой жетон себе. Я это заслужила.

— Ты можешь. Ты действительно можешь. — Если бы только это сработало.

Улыбка сползает с ее лица, когда она чувствует что-то неладное, ее маленькая, нежная рука тянется к моей.

— Все в порядке?

Притянув ее в объятия, я концентрирую Ци, вкладывая в нее свои слова, прежде чем передать ей. Это немного похоже на разговор с Бейлдагом, когда я скрываю свои обычные мысли, это сделало обучение легким. Отправка без контакта с кожей намного сложнее, какая-то ерунда о блокировке на получателе. -

— Постарайся не говорить слишком много, не знаю, следят ли за нами. Мне нужно знать, по шкале от одного до десяти, десять измене, насколько плохо будет, если мы просто... уедем утром? Соберем вещи и поедем домой?

Отодвинувшись от меня, Мила смотрит на меня в замешательстве и тревоге.

— ДЕВЯТЬ?

Звук ее голоса взрывается у меня в голове, как гонг в ушах. Пряча гримасу, я спрашиваю:

— Когда ты научилась посылать? — Господи, а я-то думал, что она будет поражена моим новым умением.

— НЕ ТАК ДАВНО, Я ТРЕНИРОВАЛАСЬ С ТУРСИНАЙ, НО ОНА ГОВОРIT, ЧТО Я НЕМНОГО

ГРОМКАЯ. ИЗВИНЯЮСЬ.

— Даже не заметил. — Мой невозмутимый ответ приносит мне удар по руке, и она надувает губки в полную силу.

— КОГДА ТЫ НАУЧИЛСЯ?

— Эммм... сегодня утром Ючжэнь показала мне, как это делается.— Еще удар. — Не ревнуй. Значит, об уходе не может быть и речи?

— УГУ. ПОЧЕМУ ТЫ ХОЧЕШЬ УЙТИ? ЭТО НАШ ШАНС НА СЛАВУ, ПРИЧИНА, ПО КОТОРОЙ МЫ ПРИШЛИ СЮДА. ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ? ПОГОВОРИ СО МНОЙ...

Качая головой в ответ, Я притягиваю ее к себе для еще одного объятия, ее руки крепко обнимают меня.

— Извини, не могу об этом говорить.

Похоже, я застрял в борьбе за дело, в которое не верю. Империя не заслуживает моей помощи, моей крови, моей жертвы, поэтому они не получают ее. К черту славу, отпусти оскверненных и Империю, я буду болтаться в стороне и отстреливать цели с расстояния, готовый схватить легкую победу или бежать домой, если дела пойдут плохо.

Честно говоря, мне все равно.

<http://tl.rulate.ru/book/591/477247>